

сурс] / Дж. Г. Бойетт, Дж. Т. Бойетт. – Режим доступа : <http://www.mckinsey.com>.

8. Гордієнко Л. Ю. Управління організаційними трансформаціями: теоретико-методологічні засади та управлінський інструментарій : монографія / Л. Ю. Гордієнко. – Харків : Вид. ХНЕУ, 2011. – 440 с.

9. Теоретичні засади та організаційні механізми реформування державної служби в Україні : монографія / Н.Л. Гавкалова, Л.Й. Аведян, Л.Ю. Гордієнко та ін. ; за заг. ред. докт. екон. наук, професора Гавкалової Н.Л. – Х. : Вид. ХНЕУ, 2012. – 328 с.

10. Гордиенко Л. Ю. Институциональные аспекты развития электронных статистических ресурсов / Л. Ю. Гордиенко, Н.Н. Злобина // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія: економічна. Випуск 40-1. – Донецьк, ДонНТУ, 2011. – С. 191 – 194.

11. Okon-Horodynska E. Innowacje a lad instytucjonalny // Wizja przyszlosci Polski. Studia I analizy. Tom I – Spoleczenstwo i panstwo; redakcja naukowa J. Kleer, A.P. Wierzbicki, Z. Strzelecki, L. Kuznicki. – W-wa : Komitet Prognoz “Polska 2000 Plus” przy Prezydium PAN, 2011. – 219-256.

12. Афанасьев М.В. Побудова системи управління якістю в діяльності органів виконавчої влади регіону. Монографія / М.В. Афанасьев, Л.Г. Шемаєва, Л.Й. аведян, Л.Ю. Гордієнко, А.Г. Кабанець, А.М. Григоренко, В.В. Ушкальов, К.С. Безгін, В.М. Гатеж, В.Ю. Жу-

карев, Н.В. Коваль, А.С. Чістяков, К.С. Вацьковські, М.С. Банька; [За заг. ред. канд. екон. наук Л.Г. Шемаєвої. – Харків: Вид. ХНЕУ, 2008. – 472 с.

13. The Global Competitiveness Report [Electronic resource]. – Access mode http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2012-13.pdf

14. Castells M. Spoleczenstwo sieci. – W-wa : PWN, 2008. – S. 30.

15. Morawski W. Konfiguracje globalne, struktury, agencje, instytucje. – W-wa : PWN, 2010. – S. 30.

16. Williamson O.E. Ekonomiczne instytucje kapitalizmu. Firmy, rynki, relacje kontraktowe. – W-wa : PWN, 1998. – S. 32.

17. Wozniak M.G. Modernizacja dla spójności społeczno-ekonomicznej. Szansa czy iluzja?// Wizja przyszlosci Polski. Studia I analizy. Tom I – Spoleczenstwo i panstwo; redakcja naukowa J. Kleer, A.P. Wierzbicki, Z. Strzelecki, L. Kuznicki. – W-wa : Komitet Prognoz “Polska 2000 Plus” przy Prezydium PAN, 2011. – 257-282.

18. Stiglitz J.E. Making Globalization. - New York: W.W. Norton & Company, 2007 [Electronic resource]. – Access mode http://www.getempo.org/revistaget.asp?id_edicao=11&id_materia=35#_ftn1

Статья поступила в редакцию 28.01.2013

С.М. КОЗИНСКИЙ, к.э.н., доцент,

Одесский региональный институт государственного управления

Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА И ПЕРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА В УКРАИНЕ

Основное внимание в статье уделяется эволюции компромиссно-конфликтного содержания социального партнерства. При этом особо подчеркивается значение такого партнерства для прогресса экономической и социальной организации общества. Обосновывается необходимость реализации в Украине модели социальной рыночной экономики и соответствующей модернизации отношений труда и капитала.

Ключевые слова: конфликт, компромисс, партнерство, труд, капитал, внутрен-

ний рынок.

Явно обозначившийся в 1990-е годы на постсоветском пространстве процесс стремительного вытеснения в экономической теории анализа социально-экономического содержания производственных отношений их функциональными формами в числе прочего сопровождался очевидной потерей интереса исследователей к проблематике объективных эко-

© С.М. Козинский, 2013

.....
<http://www.donntu.edu.ua/> «Библиотека»/ «Информационные ресурсы»

<http://www.instud.org>, http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/Npdntu_ekon/

номических противоречий. В полном соответствии с новыми подходами, принятыми наукой, в поле зрения экономистов-теоретиков оказались конфликты, разворачивавшиеся на почве развития производительных сил общества и его экономических отношений. Последние, отождествляемые с рыночными отношениями, концентрировали внимание преимущественно на противостоянии сил спроса и предложения, а также распределении ресурсов, непосредственно вытекающем из механизмов разрешения такого противостояния. Достигнутая на этой основе координация связывалась с ценовыми сигналами рынка, на которые и возлагались основные надежды представителями современного «мейнстрима».

Отдавая должное детализации, достигнутой исследователями этих процессов, отметим, что даже с учетом доминирования интереса к тому многообразию связей и зависимостей, которые порождаются рынком, конфликтно-компромиссный характер межсубъектного взаимодействия здесь оказался недооцененным. Причем, недооцененным во многом в силу недостаточного описания динамического и эволюционного характера развития экономических явлений, образующих тот широкий спектр социальных и экономических институтов, на который указывал Дж. Ходжсон, аргументируя свою критику методологических основ современного неоклассицизма [1, с. 31].

В то же время, конфликтность и компромиссность как поведенческие характеристики, несмотря на всю их связь с глубинными обстоятельствами развития экономических отношений, являются средствами детализации экономической реальности, вычлняя в ней те ее элементы, которые не могут быть отнесены к простым результатам взаимодействия спроса и предложения. В этом смысле конфликт и компромисс должны рассматриваться в качестве культурного феномена, порождаемого уже сложившимися в обществе привычками, стереотипами, правилами и т. п. характеристиками общественной организации. Образуя в своей совокупности институты, такие правила проявляют способность к собственному воспроизводству, что легко и обнаруживает себя в текущей деятельности, через очерченные границы выбора и заданные ими рамки функционирования экономики и общества [2, с. 6].

В определенных временных границах такие институты могут приобретать ключевое значение для развития общества, выступая

элементами той его инфраструктуры, которая становится «несущей конструкцией», обеспечивая прогресс общества в организационных и социальных отношениях. В полной мере это относится к социальному партнерству как специфической форме реализации конфликтно-компромиссного характера взаимодействия в системе движущих сил общества, которое в своих зрелых формах хозяйствования может быть ассоциировано с социальной экономикой.

Именно эта связь во всем многообразии ее сегодняшних форм представляется важнейшей для понимания разворачивающихся политических конфликтов и экономических противоречий в странах с переходной экономикой. Причем указанное воздействие определяется не только факторами укорененности данного института в той или иной культурной среде, но и воздействием других, часто более развитых форм его реализации, характерных для практики развития других стран, находящихся на более высокой стадии развития экономических и политических институтов общества.

Возникающие в связи с этим противоречия могут быть разрешены в условиях известного «предвосхищения» странами с переходной экономикой направлений развития указанных институтов. В том числе и института социального партнерства.

В данной связи особое значение приобретает концепция «выращивания институтов», развитие которой способно дать необходимую теоретическую основу для практики, ставящей своей целью «предвосхищение» эволюционного развития событий в сфере социального партнерства. Разумеется, ставя вопрос таким образом, мы отдаем себе отчет о тех опасностях, которым подвергается общество, пытающееся перескочить естественные фазы своего развития. Однако считаем и нерациональным пренебрежением возможностями учиться у других [3, с. 10]. Тем более, что такая учеба не ставит своей конечной целью простое заимствование (трансплантацию) институтов, о вреде которого уже достаточно сказано в специальной литературе.

В этой связи интерес, в первую очередь, представляют работы российских исследователей как по общим вопросам такого «выращивания» - Е. Ясина, А. Яковлева, В. Радаева, Я. Кузьминова, Е. Гайдара, В. Полтеровича, так и непосредственно связанные с развитием институтов социального партнерства – А. Темницкого, Л. Яковсона, Т. Сидориной, В. Борисова и др.

Несмотря на некоторое снижение интенсивности поиска в этом направлении после достижения им своего «пика» в период подготовки и проведения Международной научной конференции «Модернизация экономики и наращивание институтов» в апреле 2005 г., исследования в области конструирования и эволюции институтов остаются по-прежнему актуальными. Для Украины, не испытавшей адекватного России всплеска интереса к этой проблеме, но активно вовлеченной в трансплантацию институтов на практике, значение научного осмысления конструирования институтов остается чрезвычайно важным.

Социальное партнерство как форма взаимодействия двух противостоящих на рынке сил – труда и капитала неоднократно оказывалось в поле зрения еще экономистов классической школы политической экономии, а также ее идейного антагониста – немецкой исторической школы.

Решающим импульсом к постановке вопроса о таком партнерстве послужил рост социальных конфликтов и столкновений, сопровождавших развитие капитализма в странах Западной Европы на протяжении XIX в. Формирование мощного машинного производства и концентрация рабочей силы в пределах крупных промышленных центров неизбежно влекли за собой обострение противоречий системного характера. Эти, в общем-то, уже хрестоматийные характеристики эпохи, стали достоянием современной науки благодаря усилиям целой плеяды выдающихся экономистов прошлого. Тем не менее, ценность их наблюдений, обобщений и предложений не утратили своего значения и сегодня, - в условиях возврата к капиталистическим отношениям целого стран, некогда порвавших с ними самым радикальным образом.

Такой поворот истории дает повод вновь обратиться к тому теоретическому наследию, которое восходит к идеологии реформ – постепенному и сознательному изменению капиталистических отношений. Тому пониманию конфликтов и компромиссов, которое нашло отражение в трудах Ж.-Б. Сэя, Ф. Бастиа и, особенно, Дж.С. Милля.

Конечно, такое обращение к классике должно происходить на фоне достижений современной экономической мысли и, в частности, институционализма, сумевшего представить объект классического анализа в виде постоянно эволюционирующей системы общественных институтов. Благодаря этому про-

цесс производства уже может восприниматься в качестве общественного макроинститута, а социальные связи в производстве такими, которые превращают общественный процесс производства в общественный институт [4, с. 141].

С точки же зрения последовательных марксистов (преемственность наследия экономической классики которых мы ставим выше ее отторжения ими) данная связь между институционализмом (во всяком случае, классическим) и марксизмом приобретает вид практически законченной системы объективно-субъективного взаимодействия. И эта связь оказывается настолько прочной, что и отличия между производственными отношениями и институтами нуждаются в дальнейших уточнениях [5, с. 46].

В этой связи противоречия, рассматриваемые в контексте предложенного Д. Нортон единства вызываемого ими порядка и беспорядка [6, с. 148-152], могут рассматриваться в качестве источника возникновения институтов, закрепляющих приемлемый для системы способ ослабления конфликтности в социальной среде. В этом смысле действительно возникновение фиксированных правил игры и «замороженные» оценки степени несовпадения интересов [7, с. 25], которыми тоже руководствуются участники рыночного процесса, должны учитываться в рамках осмысления возникновения и развития институций. Даже более того, они должны рассматриваться в качестве исходных предпосылок в случаях, когда идет речь об институте социального партнерства, во всей совокупности его формальных и неформальных признаков.

Несмотря на всю «зыбкость» почвы под утверждениями такого рода, их опору скорее на факторы нематериального, а, вероятно, и откровенно идейного свойства, все же отметим, что в Украине институт социального партнерства развивался в специфических условиях взаимодействия труда и капитала. Под этими условиями мы понимаем систему отношений, свойственную раннему капитализму, отдающему должное формальной стороне партнерства и игнорирующей его реальное содержание. Этим и определяется наличие двух обозначившихся процессов в социальной сфере переходной экономики Украины:

- с одной стороны, развитие системы показателей, характеризующих социальные стандарты и гарантии, «охраняющие» права трудящихся;

- с другой стороны, минимальный уровень их реализации на практике. Настолько минимальный, что в своих жизненно важных сферах (например, минимальной заработной плате) никогда серьезно не отрывающийся от критериев прожиточного минимума.

При этом следует учитывать, что на протяжении всего периода демонтажа командной экономики в Украине на протяжении 1990-х гг. доминирующим идейным началом для сферы социального партнерства служил тезис об особой инвестиционной привлекательности Украины. Эта привлекательность обосновывалась сочетанием низкой стоимости рабочей силы и высоким уровнем ее квалификации. Неоднократно озвученный высшими должностными лицами и реализованный в практике переходного периода, этот тезис стал важным фактором наведения порядка в социальной сфере не столько в силу его сознательного воплощения в последовательных шагах руководства страны, сколько в отсутствии механизмов, препятствующих стихийной реализации данного принципа на практике.

Между тем эта стихийность, подпитываемая сколь масштабной, столь и неэффективной приватизацией, создали все необходимые условия для такой ликвидации рабочих мест, что реальность обозначила себя не только низкими ставками оплаты труда, но и стремительной депрофессионализацией рабочей среды. Ее масштабы достигли такого уровня, что по современным оценкам как минимум каждый четвертый работник в Украине выполняет работы не связанные с получением каких бы то ни было профессиональных навыков. При этом заработная плата значительной части населения страны не удовлетворяет не то чтобы потребностям семьи работающего, но даже и его индивидуальным потребностям [8, с. 33].

К сожалению, чаще всего подобного рода информация воспринимается в качестве естественной, практически технической стороны социально-экономического процесса, прямо «выводимой» из независимости ее существования от распределительных процессов, протекающих в социальном организме. Можно сказать, что «культивируется» некоторая обреченность людей перед системой, об отсутствии у них выбора в пределах определенных вариантов организации взаимодействия экономических и социальных сторон функционирования общества. Конечно, известные ограничения здесь имеют место и достоверность этого подтверждается всем ходом развития экономиче-

ской науки, но также известно и то, что успешное реформирование уже сложившихся систем, в том числе и благодаря целенаправленному «выращиванию» институтов, имело место в истории неоднократно.

Саму же постановку вопроса о модернизации украинского общества с ее явным акцентом на целенаправленных изменениях в его экономической и социальной сферах, следует воспринимать в качестве готовности общества к такому реформированию. Вместе с тем такая готовность не всегда сопровождается адекватным представлением о глубине необходимых реформ. По-прежнему постулируется разделение задач будущих реформ на социальные и экономические. Обосновывается целесообразность изменения принципов организации и предоставления социальных услуг и др. мероприятия, призванные закрепить существующий характер взаимодействия экономической и социальных сфер общества. При этом особо оговаривается желательность закрепления за государством лишь минимальных социальных стандартов [9, с. 95].

Логически такой подход соответствует модели, в которой государство ограничено в своих инициативах по реформированию общества. Она восходит к тем «стандартам» социологии, для которых экономическая область жизни общества отделена от социальной довольно простой системой отношений социального партнерства. Здесь ключевым элементом отношений выступает собственность на факторы производства, от которой берет начало суверенитет вступающих в диалог сторон.

По мере развития общественных отношений формы указанного партнерства усложняются, дополняясь обязательствами сторон, вытекающими из конфликтно-компромиссного характера их взаимодействия. Общественные институты, возникающие на этой почве, несут в себе уже не столько разграничение социального и экономического, сколько их интеграцию. Видимой ее формой и становится появление социальной рыночной экономики, приносящей элементы определенной социальной организации в производственную сферу. Это гарантирует воспроизводство институциональной основы социальной рыночной экономики на уровне самых разнообразных элементов ее системы. В том числе и в деятельности предприятий.

Такая постановка вопроса предполагает необходимость уточнения двух важных посылок анализа института партнерства в со-

временных условиях:

1. Социальное партнерство лишь частично может и должно рассматриваться в качестве набора средств достижения компромисса между трудом и капиталом, к которым прибегает то или иное общество в своем стремлении парализовать разрушительные силы социальной конфликтности. Собственно, в этом качестве оно и представлено в основном в современной экономической литературе, анализирующей тенденции развития зрелых форм рыночной организации экономики. В таком русле действительно уместной выглядит детализация широкого спектра конкретных форм согласования интересов различных участников производственного процесса (работодателей, работников, профсоюзов и т.д.). Среди них особое внимание, уже традиционно, привлекают:

- размер минимальной оплаты труда,
- условия и охрана труда,
- количество отработанных часов,
- продолжительность ежегодного отпуска,
- условия найма и увольнения и некоторые другие трудовые отношения.

Количественные оценки в этой связи формируют тот фактический фундамент, на основании которого делается вывод о соответствии (или несоответствии) ситуации, сложившейся в конкретной стране, критериям социального прогресса. Исходя же из самой природы таких оценок, неизбежно тяготеющих к уже достигнутому наивысшим результатам, сравнение в области трудовых отношений и социального партнерства, в частности, принимает вид сопоставления результатов с европейскими странами. То есть странами, прошедшими в реализации такого партнерства наиболее продолжительный путь и сумевшими «закрепить» его в целом ряде общественных институтов.

Неуместным же представляется «отрыв» количественных характеристик социального партнерства от изменений системного характера, вызывающих к жизни появление всего многообразия конкретных форм, возникающего здесь, согласования интересов труда и капитала. Дело в том, что преувеличенное внимание к указанным показателям способно представить сам процесс поиска форм такого согласования как естественный, неуклонный, возникающий в силу самой природы экономических отношений.

Этот подход логически соответствует принципу, сформулированному еще на этапе

становления рыночных отношений – «пусть все идет так, как идет». Он лишь переносит его с экономической организации на социальную, предлагая рассматривать изменчивость природы отношений в духе исключительно умеренной конфликтности. Залогом такой умеренности всегда служило и рассматривалось теорией совпадение интересов движущих сил развития капиталистического общества – собственников средств производства и рабочей силы, связанных между собой силами спроса и предложения, а потому и заинтересованных в экономическом сотрудничестве. Впрочем, это сотрудничество никогда не исключало и конфликтности, развивавшейся на почве распределения результатов производства. Однако такая конфликтность всегда служила фундаментом поиска того компромисса, который не выходил бы за формы сложившегося взаимодействия между трудом и капиталом.

Учитывать прочность этого института вынуждены были и последователи К. Маркса, целенаправленно борющиеся с ним через дискредитацию тред-юнионизма в рабочем движении. Сегодня эти события прошлого незаслуженно воспринимаются лишь в качестве казусов истории, но их действительное значение состоит в возобновляемой склонности лиц наемного труда искать лучших возможностей в пределах уже сложившейся системы поощрения их трудовых усилий и ее развития. Поэтому с точки зрения реформизма само существование института такого взаимодействия труда и капитала имеет неисчерпаемый потенциал развития, а с точки зрения революционного преобразования структуры общества (т.е. ликвидации системы его основополагающих институтов) – подлежит преодолению. Последнее обстоятельство стало исключительно важным для России и Украины, где реформирование институтов указанного взаимодействия было основательно дискредитировано 70-летней советской практикой.

В своем крайнем проявлении реформизм способен отнести конфликт к аномальным формам развития, связав его с деструктивными действиями нетипичных элементов системы, а не с кризисом ее институциональной структуры. Между тем, как последняя, оказавшаяся неспособной к обновлению своих основ, адекватных новым условиям существования системы, оказывается способной разлагать указанную систему значительно глубже и масштабнее, чем любое внешнее или случайное воздействие.

Это в полной мере относится и к тем системам, в которых партнерство между трудом и капиталом принимало вид специфических отношений, где место капитала занимало государство, обобществившее не только частную собственность на средства производства, но и саму возможность экономического принуждения труда. Благодаря этому конфликтность отношений между работодателем и трудом неизбежно принимала скрытую форму, требовавшую не столько привычных для капитализма форм ее разрешения, сколько новых приемов, основанных на познании противоречивой сущности общественного производства. Между тем, эта противоречивость вплоть до последних лет существования социалистической системы явно недооценивалась советской наукой и управленческой практикой. Лишь в последнее десятилетие своего существования очевидно заявил о себе социальный заказ на анализ таких противоречий.

Нереализованный здесь потенциал стал тем интеллектуальным наследием, которое перешло к научным школам новых независимых государств, но так и не был ими раскрыт ни в рамках традиционного политэкономического анализа, ни в контексте институциональных исследований. В то же время, отсутствие результативности в этом вопросе не исключало, а, вероятно и усиливало акцент на частностях социального партнерства, обращало внимание на становление отдельных институтов такого партнерства, трактуя их в качестве ростков эволюционирующей рыночной организации. В связи с этим отметим, что чем большими приверженцами консервативных взглядов оказывались наблюдатели такого роста, тем естественнее выглядит возникновение и развитие таких институтов и, наоборот, – отрицание консерватизма неизбежно приводит к пониманию неустойчивости самого их существования при капитализме. Последнее обстоятельство явно обнаруживает себя в условиях экономических кризисов, вызывающих к жизни сокращения не только деловой активности, но и пересмотр ранее утвердившихся в обществе стандартов партнерства.

В связи с изложенным необходимо отметить, что «инструментальность» в отношении социального партнерства берет свое начало в современных поисках его эффективных форм обществоведами стран, где укорененность института такого партнерства насчитывает десятилетия истории научного и управленческого поиска в этом направлении. Здесь его место в

системе экономических отношений было определено целым рядом нововведений в до- и послевоенный периоды истории стран Западной Европы и Северной Америки. Нововведений, во многом противоречивших логике развития системы, одним из важнейших институтов которой являлось экономическое неравенство и связанное с ним противостояние интересов труда и капитала. Причем импульсы к указанным новациям часто исходили не только из экономической, но и политической целесообразности, преследуя цели как оптимизации экономических структур общества, так и повышения социальной стабильности этих стран.

На наш взгляд, этим и следует объяснить высокую скорость распространения идей институционализма, предложившего, в нашем случае, в лице О. Уильямсона модификацию правовой и экономической интерпретации природы институтов капитализма, явно ориентированную на микроаналитический подход к изучению экономической организации [10, с. 27]. Однако, здесь уместным считаем принятие к вниманию и эволюции содержания самой терминологии, на что обращал внимание Р. Дор [5, с. 39], указывая на адекватность понятий тем видам практики, которые являются массовыми в определенных исторических границах.

В этом смысле контрактация как объект внимания О. Уильямсона и всех тех, кто обратился к микроаналитическому подходу, явно воспринимается в качестве преждевременного шага для тех обществ, хозяйственная деятельность которых еще не достигла зрелых рыночных форм. Данный вывод базируется на понимании отношенческой контрактации как феномена изобильной среды и результата определенной моральной эволюции [11, с. 52]. То есть, на предпосылках, недостижимых в условиях переходной экономики, с ее достаточно низким уровнем и качеством жизни. Действие данных факторов накладывается и усиливается также моральными принципами, соответствующими скорее периоду первоначального накопления капитала, чем критериям социальной ответственности бизнеса.

2. Социальное партнерство как характеристика экономических отношений, обладающая известной глубиной раскрываемых признаков и тенденций, выступает сложноорганизованной категорией с достаточно подвижным содержанием. Это содержание может быть связано с инструментами (о которых речь шла выше), но не сведено к ним.

Причем, это содержание явно оказывается под воздействием концептуальных основ, на которые опираются аналитики, приступающие к поиску механизма партнерства. Особенно это заметно в тех случаях, когда такие исследователи отдают должное инструментальному подходу. Так, в последнее время все явно набрало отождествление партнерства с коммуникациями, рассматриваемыми через призму взаимодействия перманентно договаривающихся сторон производственного процесса. Благодаря этому их взаимодействие принимает вид информационного обмена (столь адекватного современным представлениям об информационной экономике), а возникающие на этой почве конфликты – разногласий, вызванных отсутствием информации одной из сторон [12, с. 113].

Более того, решающую роль при таком подходе как раз будут иметь те формы связи, которые устанавливаются между указанными инструментами. Они образуют своеобразное «поле» их воспроизводства, накладывая на этот процесс ограничения или открывая для него известные перспективы, благодаря чему само воспроизводство инструментов социального партнерства может приобретать вид суженного, простого или расширенного воспроизводства.

Примером такого суженного воспроизводства в области трудовых отношений может рассматриваться период начала рыночных реформ на постсоветском пространстве. Соглашаясь с тем, что здесь после 1991 г. положительные характеристики старой системы трудовых отношений существенно ослабели, а отрицательные заметно усилились [13, с. 200], все же отметим, что это изменение было порождено не участвовавшими случаями аномального поведения работодателей, а целенаправленным сломом всей системы отношений. Сломом, который, с исторической точки зрения образует специфический исторический промежуток времени – период уничтожения институтов предыдущей системы отношений.

Неизбежная продолжительность этого периода, обоснованная Д. Нортон и рассмотренная Е. Гайдаром [14, с. 366] для постсоветских условий, диктует необходимость взвешенных оценок к самому процессу отмирания старых и возникновения новых институтов. Очевидно, что они не могут рассматриваться в качестве неизменных, одновременно возникающих в своих законченных формах. Эти формы неизбежно будут меняться, эволюционируя

не только во внешнем – узнаваемом виде, но и меняясь содержательно. Это, казалось бы, банальное для современной экономической науки утверждение заслуживает большего, чем простая его констатация. Ведь первоначально возникший институт может и будет эволюционировать, «отталкиваясь» от того первоначального содержания, которое дает ему жизнь в сложившихся условиях, – часто условиях сугубо специфических, сформировавшихся не столько под воздействием объективных тенденций, сколько обстоятельствах распада исчерпавшего себя общественного института.

Так, для рассматриваемого нами вопроса разложение института партнерства, действовавшего в советский период, следует учитывать:

- во-первых, отсутствие противостояния наемного труда и частного капитала, что не исключало противостояние труда и государства как единого работодателя и собственника факторов производства;

- во-вторых, подчиненную и вспомогательную роль профессиональных союзов, не столько отстаивавших права трудящихся, сколько формально гарантировавших существо достигнутого компромисса между работником и работодателем.

Здесь мы исходим из того, что такие функции и такое партнерство есть вполне закономерным результатом того периода, к которому следует отнести их возникновение – то есть, периоду индустриализации экономики СССР. Исходя из такого понимания, становится понятной историческая логика их существования, непосредственно связанная с выполнением организующих и мобилизующих функций в сфере труда. Возникновение индустрии, требовавшее значительной концентрации всех имеющихся ресурсов и сведение к минимуму расходов, связанных с ее строительством, диктовало использование партнерства в качестве одного из многочисленных инструментов реализации поставленных планов.

Это и привело к появлению особенностей советского варианта социального партнерства, изначально ориентированного на минимальную оценку стоимости труда. Труд фактически стал тем неисчерпаемым ресурсом, экономия на котором позволяла решать проблемы формирования индустриальной базы социализма. Но и в последующем этот резерв использовался систематически, что и создало эффект низких заработных плат, сохранившийся в СССР вплоть до его распада.

Как институт, подвергшийся распаду, вместе с развалом страны он, тем не менее, сохранил свои фундаментальные особенности – если угодно – привычку (обычай) рассматривать труд в качестве резерва преобразований. Этот обычай гармонично дополнялся другой особенностью, характерной для советского управленческого мышления, – недооценкой роли потребительского спроса, его вторичностью по отношению к целям, которые ставит перед собой государство. Сегодня этот стереотип не исчез, он лишь изменил свою форму, выражающуюся в категорической недооценке правящими элитами роли внутреннего спроса для развития национальной экономики.

Недооценка данного промежутка времени является весьма характерной для современной экономической науки и, хотя, ее анализ послужил источником формирования значительных усилий в области теории переходной экономики, отсутствие институциональной составляющей не позволяет создать здесь должный научный фундамент. Подход, в основу которого положено отрицание ранее существовавших форм общественной организации, а не их постепенная трансформация, не способен привести к результативной практике. Он лишь будет «сопровождать» и аргументировать стихийность такой практики, подверженной конъюнктурным влияниям процесса реформ. При этом всячески игнорируя воспроизводственный потенциал прежних общественных институтов, не включая его в исследовательские схемы, во многом, по причинам неадекватности научного аппарата основных школ современной экономической науки [15, с. 44].

Этот период напрямую связан с воздействием политических рычагов на экономические отношения, с установлением того нового соотношения сил (труда и капитала), которое будучи представленным в широком спектре общественных институтов, неизбежно принимает вид некоторого нового компромисса между ними. На таком уровне «агрегирования» инструментальность партнерства утрачивает вид системы, действие которой видимо обеспечивается реализацией ее отдельных инструментов. Скорее даже наоборот – она выступает внешне неразделимой системой, подавляющей конфликтность труда и капитала точно в такой же мере, как и поддерживающей поиск ими компромиссных вариантов существования.

В данном качестве указанная система может описываться в терминах социальной рыночной экономики, оперирующей понятием

порядка как сложного сочетания фактических институтов общества, сложившихся на почве традиции и поиска. Причем, традиции, восходящей к эволюции и поиску, связанному с сознательным выбором.

В нашем случае это тоже компромисс, который возникает на уровне теоретического осмысления действительности, предполагающего научный поиск в рамках большего приближения к реальности. Неудивительно, что один из основоположников социальной рыночной экономики – В. Ойкен, заявляет об этом, ссылаясь на И. Тэнна, сетовавшего на увлеченность экономистов исследованием карты, а не той местности, которую карта представляет [16, с. 10].

В современной экономической литературе, находящейся под влиянием англосаксонских школ экономической мысли, не принято отождествлять теорию социальной рыночной экономики с институционализмом. В учебных курсах ее даже часто незаслуженно объединяют с монетаризмом, «помещая» в качестве немецкого крыла неолиберализма. Таким образом, нивелируется значение порядка как исходного институционального начала, способного аккумулировать широкий спектр форм взаимодействия разнородных элементов сложной общественной системы, находящихся между собой в определенной и, притом, устойчивой форме связи.

Более того, для характеристики данного направления теории избирается не самый важный ее постулат (хотя и непосредственно связанный с социальным партнерством) – задача государства гарантировать воспроизводство рынка через поддержку конкурентных начал в его организации. При этом обычно упускается из виду тот факт, что ни указанные задачи государства, ни сам рынок, ни даже конкуренция не рассматриваются в качестве институтов чисто эволюционного развития общества. Скорее наоборот, - они предстают в виде институтов, искусственно возникающих на почве определенного компромисса. И этот компромисс явно связан с намерением преодолеть конфликт, разворачивающийся:

- во-первых, в теории, между двумя альтернативными течениями экономической мысли, восходящими к обоснованию преимуществ рынка и к такому же его отрицанию;

- во-вторых, на практике между трудом и капиталом, - неизбежно принимающим форму стремления к перераспределению результатов общественного производства.

В связи с этим решающее значение приобретает конструктивизм, подменяющий собой объективные силы, созидающую общественную организацию. В реальной действительности он принимает вид сознательной деятельности, направленной на формирование системы общественных институтов, призванных снизить уровень конфликтности и повысить значение компромиссности в отношениях между трудом и капиталом. В этом смысле выбор такого направления развития следует отождествлять с «третьим путем», о котором неоднократно говорил в свое время А. Мюллер-Армак. И, несмотря на то, что он придавал значение концепции социальной ориентации экономики несколько отличное от простого поиска компромисса и не отождествлял сделанный выбор в пользу нового уклада с реконструкцией капитализма [17, с. 262], достижения реализации теории оказались коренным образом обусловленными гармонизацией именно классовых отношений.

Сегодня, в условиях обострения классовых отношений, во многом усиленного последствиями экономического кризиса, значение модели социальной рыночной экономики явно возрастает. Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что сама постановка вопроса о классовых конфликтах кажется архаичной да, к тому же тесно связанной с практикой противостояния двух антагонистических общественно-политических систем. Однако, в то же время, считаем необходимым учитывать и то обстоятельство, что сохраняющаяся (и даже, усиливающаяся) неравномерность в распределении результатов производства и национального дохода позволяет констатировать правомерность именно такой постановки вопроса.

Более того, отказ от нее чреват недооценкой той роли, которую может и должно сыграть государство в гармонизации отношений между трудом и капиталом, формировании здесь нового баланса интересов. При этом сам поиск такого баланса объективно обусловлен двумя важными предпосылками:

1. Политической, обусловленной необходимостью воспрепятствовать радикализации общественных отношений и возникновению новых институтов, отторгающих ценности старой системы. Здесь мы исходим из того, что поиск гармонии между трудом и капиталом может осуществляться стихийно, а его результат даже принимать устойчивые формы под влиянием сил спроса и предложения на рынках труда и капитала.

В конечном счете, переизбыток предложения на рынке труда объективно стимулирует общее снижение уровня заработной платы и социальных гарантий, является одной из форм гармонизации указанных отношений. Точно такой же гармонизацией может служить и ситуация, разворачивающаяся на фоне дефицита труда на рынке, когда оплата труда растет, а работодатели «соревнуются» между собой еще и наполненностью социальных пакетов, предлагаемых трудящимся. Однако приемлемость этих ситуаций для стабильно развивающегося общества заканчивается с рассмотрением их в краткосрочном периоде. За его пределами нарастает ощутимая неопределенность, результатом которой может и должен служить отток рабочей силы из страны, рынки которой подвержены столь заметным конъюнктурным колебаниям.

2. Экономической, непосредственно связанной с международным разделением труда и тем местом, которое занимает страна в системе мирохозяйственных связей. С таких позиций стихийный, нерегулируемый характер отношений труда и капитала способен подорвать сами основы экономического развития страны, лишив ее квалифицированных кадров в период нахождения рынка труда в неблагоприятной для наемных работников фазе – фазе низких оплат труда.

Обычно, отрицая возможность такого сценария, сторонники естественного хода развития событий, опираются на рассуждения, так или иначе восходящие к крайним случаям рыночной организации, определяемыми двумя моделями:

1. «Закрытой экономики», где перепад с занятостью, неизбежно сменяясь своей противоположностью будет ресурсно «подкреплен» работниками, потерявшими работу, но желающими ее найти. Недоступность внешних рынков для трудоустройства относительных излишков рабочей силы гармонизирует спрос и предложение на рынке труда на выгодных (в целом) для работодателей условиях. Важнейшим из них является то, что рост оплаты труда в таких условиях носит явно селективный характер, отражаясь только на тех категориях трудящихся, спрос на квалификацию которых возрастает непропорционально их предложению на рынке.

Благодаря этой селективности внутренний рынок не испытывает существенных изменений, сохраняя прежние свои формы и параметры благодаря неизменности материаль-

ного положения основной массы трудящихся. Достигнутые здесь компромиссы между трудом и капиталом материализуются в достаточно инертных институтах партнерства и оплаты труда. Это существенно ограничивает капитал в возможностях собственного расширенного воспроизводства, часто фокусируя его энергию во внешнеэкономическую деятельность. Таким образом формируется экспортная ориентация национальной экономики, не испытывающая особенной заинтересованности в развитии института социального партнерства.

Следует признать, что украинская экономика является не только экспортоориентированной, но и слабо развитой с точки зрения зрелости форм взаимодействия труда и капитала. Это является одной из ключевых проблем ее организации и несоответствия критериям, принятым в Европейском Союзе. Видимой стороной существующей здесь проблемы следует признать наличие очевидной пропасти в доходах собственников средств производства (наиболее яркие представители которых возглавляют рейтинги благосостояния для восточноевропейского региона) и одними из самых низких показателей оплаты труда.

2. «Открытой экономики», рассматривающей проблему занятости с учетом безграничных перспектив перераспределения труда под воздействием рыночного механизма. Вполне естественной выглядят в этой связи трудовая миграция, которая оказывается способной снять переизбыток предложения рабочей силы на одних рынках и компенсировать недостающее ее предложение на других. При этом в зависимости от степени открытости экономики в миграционный процесс могут вовлекаться не только трудовые ресурсы различных регионов страны, но и других государств.

Реализация этой модели обнаруживает преимущества тех стран, у которых институты социального партнерства и связанная с ними гармонизация отношений труда и капитала достигли высокого уровня развития. Отражаясь в более высоких ставках оплаты труда и больших социальных гарантиях, эти преимущества закрепляются емким внутренним рынком, привлекательным в силу сложившихся здесь цен и оплаты труда как для иностранных производителей, так и трудовых мигрантов. С этой точки зрения должно объясняться широкое участие украинских граждан в миграционных процессах и все те последствия для национальной экономики в долгосрочной перспективе, которые влечет за собой отток трудовых ресурсов.

Разумеется, в реальной действительности следует констатировать отсутствие «чистых» условий для реализации такими моделями своих преимуществ. На практике имеет место уже сформировавшаяся и определенным образом эволюционирующая организация как национального рынка, так и рынка рабочей силы. Более того, в каждом из приведенных случаев речь должна вестись скорее об общественном институте, чем о рынке в узко экономическом понимании его значения.

В рамках теоретического подхода указанная организация должна трактоваться как всегда представленная в виде смешанного типа – совмещающая в себе черты некоторой открытости и закрытости рынков. В этом смысле она является элементом теоретической модели более высокого уровня – модели смешанной экономики.

Использованный нами подход позволяет характеризовать ее и как определенный общественный и экономический институт, параметры которого находятся под воздействием более сложной системы связей, чем простое сочетание сил спроса и предложения. Здесь действуют всегда многочисленные правила и ограничения, часто не поддающиеся прямому и непосредственному воздействию со стороны.

Примером такого рода может служить ситуация на рынках труда Европейского Союза, где существуют многочисленные стереотипы, связанные с последствиями снятия ограничений на перемещение рабочей силы. Так, например, западноевропейцы связывают свои опасения с открытием рынков труда перед лицом рабочей силы из восточноевропейских стран-членов ЕС. Эти опасения обусловлены ожидаемым падением ставок оплаты труда и сокращением социальных гарантий. Показательно, что начало последнего экономического кризиса сразу вызвало к жизни обострение этих опасений и даже вполне ощутимую их реализацию на практике – в первую очередь теряли рабочие места трудовые мигранты.

Однако преодоление этих стереотипов, которые с известными оговорками могут рассцениваться как институции, осуществляется с непосредственным участием как органов управления ЕС, так и национальных правительств стран-членов Евросоюза. Это лишнее раз обращает внимание на проблему источника трансформации институций и формирования институтов, адекватных современным условиям

Преувеличенное внимание к естествен-

ности широкого спектра форм согласования интересов труда и капитала, характерное для стран с переходной экономикой, пусть и невольно, но ставит вопрос об их имманентности, если не капитализму, то хотя бы рыночным отношениям. Это аргумент сугубо либерального мировоззрения (причем, в его классической трактовке), видящего в рынке если и не универсальный механизм распределения ресурсов, то, во всяком случае, лучший среди всех известных способов их размещения.

В конечном итоге само возникновение социального партнерства и эволюция его форм могут получить неверную трактовку, где стихийности их возникновения и случайности закрепления их общественно-политической практике будет отдан явный приоритет. Следствием этого становятся часто звучащие ссылки на естественно-исторический характер развития экономических отношений, обеспечивающий естественный отбор форм социальной организации на принципах вытеснения их явно устаревших видов новыми – прогрессивными.

Признавая правомерность такой логики, все же отметим, что она отнюдь не исключает и сознательной борьбы с устаревшими, неадекватными формами социальной организации, всегда ищущими способы продления жизни там, где само их существование противоречит логике эволюции социально-экономической системы. через выращивание тех форм «опредмечивания» реальной действительности, которые фундаментально связаны с выбором оптимальных форм

В данном контексте исключительно важными представляются усилия по целенаправленному, селективному «выращиванию» институтов, связанных с адекватными современным условиям формами партнерства труда и капитала. С точки зрения украинской специфики, а также приоритетов ее евроинтеграционного курса такое «выращивание» должно осуществляться в контексте решения двух основных задач:

1. Формирования основ социальной рыночной экономики с соответствующим новым типом партнерских отношений между трудом и капиталом, стратегически направленным на искоренение практики существующей значительной дифференциации в доходах собственников средств производства и рабочей силы. Здесь мы исходим из того, что развитой рынок генерирует потребность в определенной социальной организации точно так же, как и развитой социальный организм предъявляет свои

требования к типу организации экономики. В этом случае партнерство выступает специфической формой преодоления отчуждения работников от средств производства, что сопровождается видимыми изменениями в присвоении произведенной стоимости.

В качестве конкретных шагов в этом направлении могут рассматриваться, например, мероприятия, связанные как с общим ростом ставок оплаты наемного труда, так и распространением системы участия персонала в прибылях компаний. Высокую результативность такие действия продемонстрировали в послевоенный период в странах Западной Европы и Северной Америки.

2. Формирование национального внутреннего рынка, способного генерировать спрос, достаточный для поддержания высокого уровня производства и занятости. Решение этой задачи предполагает реализацию соответствующей структурной перестройки экономики и реформирования системы институтов, закрепляющих современную экспортную ориентацию и импортную зависимость отечественной экономики.

Литература

1. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории/Пер. с англ. – М.: Дело, 2003. – 464 с.
2. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа//Вопросы экономики. – 1997. - № 3. – С. 6-17.
3. Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 907 с.
4. Бортис Г. Інституції, поведінка та економічна теорія: Внесок до класико-кейнсіанської політичної економії/Пер. з англ. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. – 560 с.
5. Бугалин А.В., Колганов А.И. Максимум и институционализм: сравнительное исследование//Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2012. – Т. 4. - № 1. – С. 43-48.
6. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений/Пер. с англ. – М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2010. – 256 с.
7. Кардаш В.А. Материальная фактура и нематериальное содержание реальной картины экономического мира//Экономический вестник

Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 4. – С. 22-30.

8. Про внутрішні та зовнішні становище України в 2012 році: Щорічне Послання Президента України до Верховної Ради України. – К.: НІСД, 2012. – 256 с.

9. Модернізація України – наш стратегічний вибір: Щорічне Послання Президента України до Верховної Ради України. – К., 2011. – 416 с.

10. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация/Пер. с англ. – СПб.: Лениздат, CEV Press, 1996. – 702 с.

11. Дор Р. Добрая воля и дух рыночного капитализма//Экономическая социология. Электронный журнал. – 2010. – Т. 11. – № 3. – С. 37-57.

12. Нравственность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей/Под ред. Т.Дж. Палмера/Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2012. – 137 с.

13. Воейков М.И. Политико-экономические эссе. – М.: Наука, 2004. – 323 с.

14. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. – 3-е изд. – М.: Дело, 2005. – 656 с.

15. Кирдина С.Г. Постсоветский институционализм в России: попытка обзора // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2004. – Том 2. – № 2. – С. 40-54.

16. Ойкен В. Основы национальной экономики: Пер. с нем. – М.: Экономика, 1996. – 351 с.

17. Мюллер-Армак А. Принципы социального рыночного хозяйства//Социальное рыночное хозяйство/Серия «Этическая экономика». Выпуск 6. – СПб: Экономическая школа, 1999. – С. 262-282.

Статья поступила в редакцию 09.01.2013

И.А. БОНДАРЕНКО, к.э.н., доцент,
Армавирская государственная педагогическая академия

ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ДОМОХОЗЯЙСТВ В РОССИИ

Значимость изучения домашних хозяйств во взаимосвязи с формирующимися и изменяющимися институтами определяется тем, что структурная трансформация российской экономики не обеспечила защиту домашних хозяйств от угроз, формирующихся в условиях неустойчивой среды рыночной экономики. В условиях глобализации экономических отношений и неравновесности макросистем влияние институциональных факторов на положение и воспроизводство домохозяйств усиливается.

Ключевые слова: институциональная среда, институциональное конструирование, внешние и внутренние институты среды домохозяйственной жизнедеятельности.

Существенными недостатками современной институциональной среды России являются ее нестабильность, бессистемность, противоречивость и неполнота, что проявляется в становлении неэффективных механизмов как институтов-норм (рынок труда, финансовый рынок), так и институтов-организаций (государственные органы социальной защиты,

профсоюзы). Формирование системы институтов, обеспечивающих реализацию эффективного развития домохозяйственной экономической системы, не стало итогом институциональных трансформаций.

Высокий уровень транзакционных издержек, асимметричность информации, существенная социальная дифференциация вынуждают домохозяйства формировать такую модель экономического поведения, суть которой можно определить как стремление к стабильности. Однако, стабильность домохозяйств может принимать формы отторжения факторов макроэкономического развития, предлагаемых правительством, воспринимая их как угрозу нарушения их достигнутого социально-экономического состояния. В этой связи важным аспектом экономического развития национального хозяйства является институциональное обеспечение развития домохозяйств в соответствии с интересами национальной экономики.

© И.А. Бондаренко, 2013